СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Г. П. ГРЕБЕННИК

МИФ, АНТИМИФ И АНЕКДОТ В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИДЕОЛОГИИ

В статье анализируется подрыв советской идеологической мифологии на уровне сакрального. Уровень сакрального – это уровень, где расположена корневая система ценностей данного социума. То, что ценно, освящается; то, что является священным, становится ценным. Общество без скрепляющих убеждений, без согласия относительно базовых ценностей, без сакральной структуры – это песок. Основанное на нем политическое образование – называйте его хоть государством, хоть супердержавой – это замок на песке. Развал Советского Союза был бы невозможен, если бы Система не лишилась своего защитного «озонового слоя» – сакральной идеолого-мифологической ауры. Власть потеряла не только инструмент управления (что важно), но и средство собственной легитимности (что еще важнее).

Эта работа осуществлялась путем рациональной деконструкции мифов, выявлением «правды истории», которая не согласуется с правдой мифа. Но на этом борцы с советской идеологией не останавливались, а создавали из того же материала собственный миф, вернее, антимиф, поскольку по всем своим параметрам и функциональным целям он работает так же, только с противоположным знаком. Автор подробно анализирует эту технологию на примере классического советского мифа о Павлике Морозове.

В заключительной части рассматривается работа анекдота, убивающего на корню сакральную ауру политического мифа. Если миф – это магия, то анекдот – антимагия. Миф закрепощает, делает игрушкой, объектом манипуляции, анекдот освобождает. Анекдот – это глоток свободы и упоительной правды в условиях несвободы. Вот почему он обладает такой притягательной силой в «серьезных» политических режимах.

История и современность, № 2, сентябрь 2015 140–159

Ключевые слова: *идеология, миф, мифологическое сознание, антимиф, сакральные архетипы, анекдот.*

Каждое общество в каждый конкретный исторический период пронизано единством идеологического контекста. И даже если вы находитесь в «контрах» с ним, вы все равно его разделяете как общую судьбу. Мы вышли из советской эпохи, а в ней безраздельно царила моноидеология под названием «марксизм-ленинизм». Неслучайно советскую политическую систему называют идеократией. Это дом, который был построен с крыши. Разрушение крыши сделало дом непригодным для жизни. Поэтому кризис советской (коммунистической) идеологической мифологии по своим последствиям был даже более страшным для Системы, чем экономический кризис, поскольку лишил власть и общество («партию и народ») способности к мобилизации на «борьбу за социализм» (сохранение существовавшего строя).

Под идеологией я понимаю систему отобранных социальных мифов, в которой представлены *интересы* больших социальных групп в *ценностном* плане (Гребенник 2011: 17). Разумеется, идеология не сводится к мифологии, есть в ней и научный пласт, но от этого мифологическая суть идеологии не меняется. Так, важнейший тезис коммунистической идеологии, гласивший, что зрелое социалистическое общество научно управляется и, следовательно, кризисы ему не грозят, явно обнаруживает свою мифологическую природу. И вообще достоинство идеологии определяется не научностью, а эффективностью воздействия на сознание людей путем формирования его автоматических реакций на манипуляции власти. Миф в этом плане не имеет себе конкурентов.

Мифологизация идей не есть чей-то умысел. Это самозаконный механизм нашего мировосприятия. И именно на нем основана всякая политическая идеология. Люди нуждаются в идеалах, а они доступны нам только в виде мифов. В мифе изображение жизни сгущено до состояния символического образа, который воздействует не на разум, а на подсознание человека, активируя его архетипическую структуру. Это по своей природе магическое воздействие.

Вопреки манифестации материализма и атеизма советская идеология строилась по религиозной кальке. В центре светились образы Бога Отца Маркса и его верного Бога Сына Ленина, а также гениального вождя Сталина, воплощающего Дух их Учения в жизнь. У подножия культа богов и вождей в коммунистической мифологии теснились герои-борцы, утверждавшие своей жизнью и, в еще большей степени, смертью идеальные нормы коммунистической морали.

В этой связи рассмотрим феномен Ленина в Мавзолее. Это главная святыня советской эпохи. Уничтожить эту святыню, зримый символ, мифическую субстанцию советской истории – вот чего хотят ее враги. Их стенания по поводу нехристианского отношения к незахороненному вождю, государственных затрат на содержание Мавзолея и тому подобные рациональные аргументы есть лицемерная уловка. На самом деле они борются на том же поле мифологического сознания, что и ярые сторонники сохранения Ленина в Мавзолее. И те и другие одинаково понимают, что пока Ленин лежит в Мавзолее, советская эпоха со всеми ее признаками жива. Пока Ленин лежит на Красной площади, наши доморощенные капиталисты хорошо спят только в Лондоне, этом символическом центре буржуазного мира.

Публичная политика есть сфера идолопоклонства, необычайно развитого и на Западе, и у нас, и еще больше – в Советском Союзе. Когда в мире бушует кризис, в нас просыпается древний человек с его бессилием перед внешними обстоятельствами и возникает непреодолимая потребность в надежном харизматическом вожде. Этим объясняется, между прочим, «эффект Путина», который ответил на запрос, «спас Россию» от, казалось бы, неминуемого развала, обретя личную харизму вождя. Хочу подчеркнуть, что я не говорю о том, кто такой Путин, я говорю о том, как он был воспринят в народе. Я говорю о «мифе Путина». Тысячи компьютерных «хомячков» в настоящее время сражаются в Интернете с этим мифом, поливая Путина на разных форумах грязными оскорблениями, чтобы переломить в общественном сознании веру в этого народного героя.

Массы в принципе лишены исторической памяти, поэтому их можно до бесконечности фаршировать все новыми и новыми стереотипами, которые «отклеиваются» от их сознания, не успев к нему как следует прилепиться. Это мелькание картинок и есть современная политика внутри исторического кризиса, переживаемого современным обществом.

Каждая эпоха рождается в драматической борьбе и имеет свой героический, легендарный период, порождающий истинное мифотворчество. Этот период своим мощным импульсом пронизывает всю эпоху. Таким временем в истории советского государства и общества была Великая революция вместе с Гражданской войной и социальным переломом. Хронологически оно датируется 1917–1933 гг. Мифологизация событий этого периода создала сакральный пласт коммунистической идеологии. Энергетика мифа – это темная энергия иррационального подхода к жизни, но она может обладать весьма мощной социально-психической силой воодушевления. Ф. А. Степун писал: «Большевики победили демократию потому, что в распоряжении демократии была всего только революционная программа, а у большевиков – миф о революции…» (Степун 2000: 371).

Уровень сакрального – это уровень, где расположена корневая система ценностей данного социума. То, что ценно, освящается; то, что является священным, становится ценным. Доверие к советской власти как носителю социальной истины в значительной мере основывалось на ее сакральной ауре, созданной героическими смертями, подвигами во имя великой идеи социальной справедливости, святой верой голодных и оборванных людей в лучезарный, сказочный образ коммунистического будущего.

Советская система ценностей была выстроена путем наложения на традиционные ценности и стала очередной исторической формой их выражения. Традиция основана на сакральных архетипах. Слушайся своего сердца – оттуда исходит голос сакрального. Воспитание есть пробуждение и формирование в сфере сознания священных чувств. Возрождая архетипические образы в новом историческом и культурном пространстве, сакральное призвано одухотворить политику, сделать ее внутренним фактом сознания каждого

гражданина, создать условия для образования воображаемых сообществ, для солидарности людей со «своим» государством.

Однако каждый миф имеет свой срок жизни. Воздействие мифа прекращается, его чары рассеиваются, как только социальная реальность, политическая практика перестают его оправдывать. Люди обнаруживают, что «король голый». При этом одни сильно возмущаются, винят в этом «безнравственную» действительность, а другие превращают миф в материал для анекдотов, сказок и прочих произведений искусства, иногда – для философских реминисценций.

Развал Советского Союза был бы невозможен, если бы Система не лишилась своего защитного «озонового слоя» – сакральной идеолого-мифологической ауры. Власть потеряла не только инструмент управления (что важно), но и средство собственной легитимности (что еще важнее).

Можно констатировать неизбежность этого процесса. Он долгое время протекал в эволюционной форме и носил латентный, подспудный характер. Со временем разрыв между коммунистической идеологией и советской реальностью породил скептицизм, убийственно несовместимый с верой в идеологические мифы. При этом эрозия советской мифологии осуществлялась как «сверху», так и «снизу» – на уровне обыденного, массового сознания. Израильский писатель Исраэль Шамир в книге «Каббала власти» пишет: «Антисталинская кампания была мощным идеологическим оружием в войне за дискурс, ибо образы Ленина и Сталина были для советского народа священными. Близорукий Хрущев думал, что ведет войну за наследие Сталина со сталинскими министрами, но вместо того он подорвал сакральную структуру советского коммунизма и нанес ему непоправимый ущерб» (Шамир 2007).

Но это еще не все. Н. С. Хрущев в своей простоте опошлил и принизил идею коммунизма до уровня понимания его как потребительского рая. Чего только стоят его сентенции вроде: «Что такое коммунизм? Это блины с маслом и со сметаной...»; «Марксизм не курица, в суп не положишь»; «Коммунизм означает бесплатный проезд в городском транспорте» и т. п. «Материализация, “овеществление” целей КПСС, материализация коммунизма – все это была социосистемная бомба намного мощнее, чем антикультовский

доклад Хрущева, – считает Андрей Фурсов. – Это социальный аналог взорванной в предпоследний день XXII съезда 58-мегатонной бомбы (3 тыс. “хиросим”) над Новой Землей» (Фурсов 2012).

Но ведь для зрелого советского общества культ личности Сталина был неприемлем. Люди из поколения шестидесятников, будучи романтическими приверженцами коммунистического идеала, несли в себе иную систему ценностей, нежели поколение «строителей социализма». XX съезд внес раскол и в советское общество, и в международное коммунистическое движение, а иначе быть не могло.

Решительную фронтальную атаку на уже порядком дискредитированную в массовом сознании коммунистическую мифологию в годы перестройки повела либеральная интеллигенция, сплотившаяся вокруг М. С. Горбачева, а затем и Б. Н. Ельцина. Деконструкция мифологии осуществлялась путем предания гласности «исторической правды», то есть несоответствия мифа реальным историческим фактам. Дескать, власть утверждала свое право на ложь, а народ имеет право на правду. Мол, правда *всегда* лучше лжи. Это абсолютно мифологическое утверждение, поскольку в жизни бывает очень сложно отделить одно от другого. И потом, правда мифа может быть сильнее, убедительнее правды отдельного факта.

На самом деле интеллигентская «борьба за правду» была процессом замены мифа на антимиф. Змея выползала из своей старой шкуры. Проиллюстрируем этот процесс замены мифа на антимиф на одном конкретном примере.

Возьмем классический советский миф о Павлике Морозове, который носил титул «герой-пионер Советского Союза № 1».

Реальность такова. Отец Павлика Трофим Сергеевич Морозов был красным партизаном, затем председателем сельсовета сибирского села Герасимовка. Он бросил свою жену с четырьмя сыновьями и открыто зажил второй семьей с другой женщиной. Для его законной жены, крестьянки 30-х гг., это было тяжелое оскорбление. По воспоминаниям учительницы Павла, его отец регулярно пил и избивал жену и детей как до, так и после ухода из семьи. Пил, как водится, по-черному и брал взятки с сосланных кулаков за всякие справки. Разумеется, полуграмотный мальчик 12 лет никаких доно-

сов на отца не писал, а писала их мать Павлика от его имени. В 1931 г. отец, уже не являвшийся председателем сельсовета, был арестован, отдан под суд и осужден на 10 лет. Конкретно ему вменялась выдача поддельных справок раскулаченным об их принадлежности к Герасимовскому сельсовету, что давало им возможность покинуть место ссылки. Но при этом единственная справка, фигурировавшая в качестве вещественного доказательства, была изготовлена в сельсовете уже после ухода Морозова с поста председателя сельсовета. На суде Татьяна Морозова дала показания против мужа. Сын, защищая мать, ее поддержал. Понятно, что существенного значения для суда показания ребенка не имели. Отца осудили и отправили на строительство Беломорканала. А через несколько недель родной дед и старший двоюродный брат (по отцу) подстерегли в лесу Павлика и его младшего брата 9 лет и обоих зарезали. Это произошло 3 сентября 1932 г. Поскольку убили обоих детей, очевидно, что родственники отца мстили их матери.

Рождение мифа. Это убийство пришлось весьма кстати, так как советская власть искала повод для разжигания антикулацкой кампании. Был дан старт процессу мифотворения. Советская печать назвала мальчика «мучеником идеи». Павлик Морозов стал символом коммунистической классовой морали. Сначала его образ был использован для войны с кулаками. Через два года – как положительный герой литературы, модель для подражания, о чем заявил М. Горький на Первом съезде советских писателей в 1934 г. Пошли книги о нем, Эйзенштейн начал снимать фильм. Созданы сотни произведений в разных жанрах – от поэм до оперы. Его портреты помещались на открытках, почтовых марках, спичечных коробках. В Москве ему был поставлен памятник на Красной Пресне. В разных городах России и по сей день стоят его бронзовые, гранитные, а чаще бетонные статуи. Остаются школы и библиотеки, носящие его имя.

Создание антимифа. В 1990-е гг. стараниями демократической интеллигенции «герой-пионер № 1» превратился в «доносчика № 1», символ предательства, русский аналог Иуды. Деятельное участие в создании антимифа принял писатель, ставший профессором Калифорнийского университета, – Юрий Дружников (настоя-

щее имя – Юрий Альперович), автор книги «Доносчик 001». Наткнувшись на противоречия и умолчания, он занялся разоблачением героического образа Павлика Морозова, иначе говоря, деконструкцией советского мифа. Его расследования показали, что Павлик Морозов донес на отца вовсе не ради партии и социализма. Кулаков в Герасимовке, с которыми якобы боролся Павлик, не было. Колхоза, который Павлик якобы защищал от врагов, не существовало. Также не существовало и пионерского отряда. Следовательно, никаким пионером Павлик тоже не был. В организации убийства Павлика и его брата Дружников обвинил двоих местных чекистов, которым якобы было поручено организовать «террор кулаков». Правда, с оговоркой, что он вел литературное расследование и доказательств для суда у него нет. За кровавое убийство Павлика и его брата арестовали свыше десяти крестьян – как писали газеты, «кулацкую банду» (Щуплов 2004). Между прочим, Альперович похвалялся, что он – единственный в мире «коллекционер Павликов Морозовых». Он собрал сведения о пятидесяти юных героях, убитых за доносы, но в живых остались тысячи, поступившие в своих обстоятельствах аналогично Павлику. Иначе говоря, это было явление.

В 2005 г. профессор Оксфордского университета Катриона Келли издала книгу “Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero” («Товарищ Павлик: взлет и падение советского мальчика-героя»). Доктор Келли утверждала в последовавшей полемике, что «хотя есть следы замалчивания и сокрытие второстепенных фактов работниками ОГПУ, нет никаких оснований полагать, что само убийство было спровоцировано ими» (Бегунок 2010).

В результате созданного антимифа монумент на Красной Пресне в августе 1991 г. скинули. Весной 1999 г. члены Курганского общества «Мемориал» направили в Генеральную прокуратуру ходатайство о пересмотре решения Уральского областного суда, приговорившего родственников Павлика Морозова к расстрелу. Однако Генеральная прокуратура, занимающаяся реабилитацией жертв политических репрессий, пришла к выводу, что убийство Павлика Морозова носит чисто уголовный характер, и убийцы не подлежат реабилитации по политическим основаниям. Это заклю-

чение вместе с материалами дополнительной проверки дела № 374 было направлено в Верховный суд России, который в 1999 г. принял решение об отказе в реабилитации предполагаемым убийцам Павлика Морозова и его брата Федора (Бегунок 2010).

Вся эта история с мифом и антимифом о Павлике Морозове свидетельствует о непривлекательной по методам и цинизму политической технологии, в основе которой лежит техника создания мифа. Переписали миф тем же мифическим способом (только с противоположным знаком) и для тех же, в сущности, политических целей, что и советский агитпроп. Спрашивается, почему бы просто не ограничиться разоблачением сталинской пропаганды, сделавшей пионера-героя из жертвы изуверов? Так нет же, Павлика перелицевали именно в образцового советского пионера-предателя! И это целая тенденция. Председатель Мариупольского отделения международного историко-просветительского правозащитного общества «Мемориал» Галина Захарова опубликовала в газете «Приазовский рабочий» статью о том, что возглавляемое ею отделение единогласно выступает за переименование детской библиотеки имени Павлика Морозова. Приводятся следующие аргументы. В селе было много ссыльных кулаков из Украины, которых ГПУ тысячами ссылало по указанию Сталина на верную гибель. Известно, что Сталин ненавидел свободных людей, а именно таковыми и были кулаки (Захарова 2012).

То, что ссыльные кулаки из Украины были поголовно свободными людьми, это Захаровой виднее, а вот то, что она нисколько не сочувствует смерти зарезанных детей (напомню, был зверски убит и младший брат Павлика, девятилетний Федя, который доносов не подписывал), это хорошо видно нам. И это уже работа антимифа, который блокировал моральное чувство этой женщины.

Я бы назвал создание антимифа про Павлика Морозова «спецоперацией» или «идеологической диверсией», если бы не понимал, какая каша варится в сознании нашей интеллигенции. Будучи тоталитарным продуктом тоталитарной государственной истории, она борется со своим могучим визави всеми доступными ей методами, полагая, что это оправдано и что в результате «свобода нас встретит радостно у входа». Не встретит, хотя бы потому, что они пере-

путали вход с выходом. А на выходе – властолюбивый Ельцин на танке, а из-за его спины выглядывает поколение мальчишей-плохишей, страстно мечтающих отведать буржуинского варенья. Наивный неграмотный мальчик Паша Морозов им в подметки не годится.

* * *

Рассказанная здесь история с перелицовкой мифа в антимиф является еще одной иллюстрацией на тему о макиавеллистской природе политики. Газета «Лос-Анджелес Таймс» закончила свою статью о Павлике Морозове, по-моему, правильно: «Павлик Морозов и его семья заточены в своеобразной тюрьме, уготованной им историей. Они – не герои и не злодеи. Они – одновременно демоны и святые» (Бессмертная… 2002).

С подачи либералов образ «предателя» Павлика Морозова стал сегодня расхожим понятием. В этом нетрудно убедиться, стоит лишь погрузиться в полемику блогеров. Почему общественное мнение так легко поверило в либеральный антимиф о «пионере-предателе»? Да, конечно, была тенденция, пропагандистским аппаратом А. Н. Яковлева было создано общественное настроение, с готовностью воспринимавшее всякий негатив о компартийном режиме. Введенное в своеобразное наркотическое состояние общество алкало очередной дозы «исторической правды». Люди спозаранку бежали к газетным киоскам за номерами «Огонька», «Московской правды», «Московского комсомольца». И все же за всей этой «борьбой декораций» стоит одна подлинная реальность, которую с успехом использовали либеральные мифологи. Речь идет о первичном слое морального сознания, естественной народной нравственности, которая гласит: отца предавать нельзя. Почтительное отношение к родителям – основа традиционного воспитания. Неслучайно это стало центральной темой в конфуцианском кодексе благородного мужа. Если правильные взаимоотношения между отцом и сыном нарушены и авторитет отца утрачен, то государство не устоит. Так ставился вопрос Конфуцием. Кто в этом больше виноват – отец или сын? Конфуций давал однозначный ответ: сын! У сына есть неоплатный долг перед своим отцом. Предательство отца – страшное преступление, кармический грех, требующий искуп-

ления при жизни или после смерти, то есть за неблагодарного сына ответят его дети, а если расчет не будет произведен, то и внуки.

А если бы общество знало, как знал это Дружников-Альперович, что Трофим Морозов перестал быть отцом, превратился в насильника-угнетателя, а Павлик остался сыном, сыном своей матери, вставшим на ее защиту, то оно также однозначно осудило бы его поступок? Ведь и Конфуций говорит: «Отец должен быть отцом, а сын – сыном».

В связи с феноменом «павликов морозовых» в голову приходит мысль о том поколенческом разрыве, который был обусловлен революцией 1917 г. и последовавшей Гражданской войной, когда сын пошел на отца, а брат на брата. Второй мощный удар по правильным взаимоотношениям отцов и детей был нанесен в 30-е гг.: повальная миграция молодежи из села в город на стройки индустриализации, раскрестьянивание, урбанизация, массовые репрессии – эти процессы сильно деформировали естественное течение «конфликта поколений». Затем – Великая Отечественная война, практически выбившая возрастную когорту отцов шестидесятников. В годы перестройки и первых постсоветских десятилетий в третий раз за последние сто лет была организована ситуация, в которой дети неестественным образом были противопоставлены отцам и предъявляют им свой ювенальный счет. Сегодня мы волей-неволей продолжаем эту политику, когда необдуманно и незаслуженно плюем в свое прошлое, которое было настоящим для наших отцов и которое было воздвигнуто на их крови и подвиге. Это надо иметь в виду тем, кто проводит политику памяти в угоду конъюнктуре.

Современная украинская государственная практика дает богатейший материал на эту тему. Государство плодит «граждан», не задумываясь о качестве их гражданственной мотивации. К примеру, телефон горячей линии, по которому студент во время сессии может сообщить о факте коррупции преподавателя, – это разве не механизм провокации и шантажа «отцов», который вручен «сыновьям»? Или призывы к населению с огромных билбордов на улицах выдавать бытовых сепаратистов за то, что они ждут прихода «русского мира», то есть за «мыслепреступление». Чудовищное падение

нравов инициирует власть, а ведь именно ей и придется пожать урожай с этого поля.

Немногим более года назад студенческий Евромайдан стоял ради безвизового въезда в Европу и… кружевных трусиков. Потом «онижедети» в Одессе сожгли людей в Здании профсоюзов. Студентки филфака местного университета готовили «коктейли Молотова», которыми наводнившие город боевики «Правого сектора» жгли «колорадов и их самок». А затем, не скрывая радости, эти же студентки выкладывали ужасные фото обгоревших трупов и торжествовали, издеваясь над «шашлыками». Характерно, что новые украинские герои (большинство из них – старшеклассники и студенты) скрывали свои лица под масками.

Маска – важная часть мифологического действа. Маска – это личина. Ее назначение – скрыть личность, выдать себя за другого. Дети из «поколения человека-паука» под маской преображались в «человека боя», но стоило сорвать с него маску-личину, и раздавалось жалкое хныканье: «Дяденька! Не бейте, пожалуйста! Я не хотел. Отпустите, меня дома родители ждут».

Майдан раздавил, расплющил сознание значительной части жителей Киева. Когда он распространил свое влияние на всю Украину, «зомбочел» стал массовым типом. Информационный наркотик ненависти и лжи, на который подсадили украинское население СМИ, требует постоянного увеличения дозы. Не исключено, что у многих наступил «передоз». Какие формы примет течение болезни в этом состоянии, предположить трудно.

В великом романе Дж. Оруэлла «1984» представитель власти О'Брайен разъясняет своему оппоненту суть технологии политики памяти правящего режима: «…мы не допускаем, чтобы мертвые восставали против нас. Не воображайте, Уинстон, что будущее за вас отомстит. Будущее о вас никогда не услышит. Вас выдернут из потока истории. Мы превратим вас в газ и выпустим в стратосферу. От вас ничего не останется: ни имени в списках, ни памяти в разуме живых людей. Вас сотрут и в прошлом, и в будущем. Будет так, как если бы вы никогда не жили на свете».

Кажется, подобную установку украинские конструкторы памяти реализуют в отношении советской эпохи: они хотят уничтожить

весь культурно-исторический пласт, на котором формировались предыдущие пять поколений, убрать все памятники эпохи наших дедов и отцов, переименовать улицы и целые города, в общем, произвести полную резекцию памяти, чтобы вновь созданное «дикое поле» засеять антимифами и сформировать на их базе искусственную украинскую идентичность на антирусской основе. Развернулась настоящая война интерпретаций исторических концепций, событий, фактов истории Украины.

– А правда, что украинской нации 140 тысяч лет?

– Правда.

– А правда, что когда русские впервые пришли в Крым, там они застали мирно пашущих землю украинских казаков?

– Правда. Крым всегда был наш.

– А правда, что небольшие отряды УПА-ОУН гоняли по Сибири и Казахстану целые дивизии Красной Армии?

– Правда. Читать *наши* учебники истории надо!

И ведь нельзя сказать, что этот эксперимент добровольного исключения себя из собственной истории, протекающий на наших глазах, не имеет своей традиции в прошлом. У Украины она есть и имеет четкое определение – мазепинство.

Любопытный эпизод был показан в телешоу «Вечерний Ургант» 12 июня этого года, в так называемый День независимости России. По этому поводу ведущий интервьюировал маленьких детей. На вопрос, от кого независимость, шестилетняя девочка неуверенно сказала, что от Америки и Египта, такая американско-египетская независимость России. Тогда подумалось: на Украине в результате резекции исторической памяти массовое самосознание – как у этой шестилетней девочки.

Но ведь не так давно, в девяностые, российское общество переживало нечто подобное, я уже не говорю о колоссальном взрыве 1917 г. Наши мыслители неоднократно отмечали неизбывную двойственность евразийского цивилизационного пространства, русской истории, в сознании ее верхов, на которых лежит ответственность за принятие решений и часто их обессиливает (Пятигорский, Смирнов 2003). Это было и при Александре I, и при Александре II, это имеет место и сейчас. Стоит только посмотреть на

состав российского правительства или на линию консервативно-либерального синтеза, которую проводит осторожный Путин, порождая недовольство с обеих сторон российского общества. Мы не преодолеваем антиномию славянофильства и западничества, а старательно ее воспроизводим. В России ее история предопределяет маятниковое движение, своеобразное «вечное возвращение», февральско-октябрьский алгоритм (Гребенник 2009: 202–212). Вестернизация России как соблазн отказа от собственной миссии и ее отвращение от Европы как возвращение к себе. Таких «монистических» людей, как Петр Первый или Ленин, во главе России были единицы. И заметьте, они своей энергичной революционной деятельностью лишь подготавливали мощный будущий откат.

Можно ли сегодня изменить положение в существующей системе воспитания и вернуться к традиционным ценностям? Нет. Развитие современной цивилизации, глобализация и прочие сопутствующие им процессы сделали невозможным такой возврат. Однако ситуация небезнадежна именно благодаря работе глубинного архетипического слоя народной нравственности: отцов предавать нельзя!

Речь идет о восстановлении воспитательной функции средней и высшей школы. Это вопрос национальной безопасности. Такое ощущение, что у современной западной цивилизации, которую нам постоянно ставят в пример, заработала программа самоуничтожения. Так стоит ли нам присоединяться?

* * *

Есть в нашей политической культуре еще один феномен, который нельзя обойти вниманием, затронув разговор о мифореальности. История эпохи начинается, как правило, с героического мифа, а заканчивается анекдотом. Мы же начали новую эпоху необычно – сразу с анекдота. Отношение мифа и анекдота можно характеризовать как диалектическое противоречие. Миф охраняет поле сакрального, анекдот его взрывает. Миф играет на повышение градуса серьезности отношения к жизни, тогда как анекдот делает нечто прямо противоположное – беспощадно гасит пафос, насаждаемый официальной идеологической мифологией. Особенно это верно

в отношении политических режимов с моноидеологией. Неслучайно советский анекдот стал феноменом всемирно-исторического значения, жанром устного народного творчества, по которому можно изучать отдельные периоды советской истории в своеобразном преломлении.

Анекдот – это, как известно, короткий рассказ со смешным, остроумным концом. Анекдот – часть смеховой народной культуры, жанр устного творчества, имеющий цель выявить парадоксальным образом смешную сторону той жизни, к которой власть, официоз относятся с деланной серьезностью.

Если миф – это магия, то анекдот – антимагия. Миф закрепощает, делает игрушкой, объектом манипуляции, анекдот освобождает. Анекдот – это глоток свободы и упоительной правды в условиях несвободы. Вот почему он обладал такой притягательной силой в «серьезных» политических режимах и становился там уголовно преследуемым жанром.

Анекдот – это игра смыслами, поэтому надо быть внутри культуры, чтобы понимать второй и третий планы невысказанных, подразумеваемых в анекдоте обстоятельств. Без культурного подтекста, в котором содержится информация о сюжете, так называемая экспозиция к анекдоту, он может просто не состояться. Надо, что называется, «быть в материале», чтобы по достоинству оценить анекдот.

Особая рубрика – политический анекдот. Анекдот обыгрывает реальную ситуацию и реальную личность. Комический эффект возникает благодаря точной пародии или аналогии. Первые лица государства автоматически становятся персонажами анекдотов. В этом плане особенно «повезло» третьему президенту Украины В. А. Ющенко. Уже то, каким способом он был избран президентом, стало поводом для анекдотической реакции.

После того как Верховный суд Украины признал недействительными результаты второго тура президентских выборов 2004 г. на Украине, Бундестаг признал недействительной победу над Германией в 1945 г. «В ходе боевых действий имели место многочисленные нарушения», – аргументировали свое решение немецкие депутаты. Представители ЕС согласились с решением Бундестага,

признав, что лучшим выходом было бы проведение Второй мировой войны повторно до конца этого года. Тем временем Верховный хурал Монголии обратился в ООН с требованием немедленно признать недействительным исход Куликовской битвы. Депутаты в ультимативной форме потребовали срочного введения на территории России и стран СНГ монголо-татарского ига и выплаты дани с учетом пени за многовековую просрочку.

Жажда власти присуща всем политикам, но есть среди них чемпионы.

Позвал Бог к себе Ющенко, Януковича и Тимошенко. И говорит:

– А ну-ка, расскажите мне, чем вы занимались, чего достигли?

Ющенко: Я создал в Украине демократическое общество. Теперь мой народ живет по демократическим законам, я…

Бог: Ладно, ладно, сынок, знаю, что ты наворотил.

Янукович: А я пенсии поднял, жизнь людям улучшил…

Бог: Хватит, сынок, чувство юмора у тебя не отнять.

Поворачивается к Тимошенко: А ты, доча, что же сделала?

Тимошенко: Во-первых, я вам не дочь, а во-вторых, вы занимаете мое место!..

Президенты всего мира охочи до ритуального общения с народом. Наши тоже органично усвоили эту традицию.

Ельцин приезжает на завод и по-отечески разговаривает с рабочими.

– Ну, как, панимаешь, живете? – шутит Борис Николаевич.

– Хорошо живем! – шутят в ответ рабочие.

Янукович приехал в одно украинское село посмотреть, как народ живет.

Возле него сразу собрались местные жители.

Янукович: Ну, рассказывайте, как у вас дела?

Бабка: Да какие дела, касатик? Все дорожает, пенсия мизерная.

Янукович: Не волнуйтесь, бабушка. Скоро мы с вами будем жить хорошо.

Бабка: Виктор Федорович, вы делаете мне предложение?

В политических анекдотах реализуется догадка, что люди власти, которые нами руководят, мягко говоря, не философы.

Разговор между политиками.

– Когда я начинал свою карьеру, у меня не было ничего, кроме собственного ума!

– Да, очень многие в наше время начинают с нуля.

* * *

Конец прошлого века с убедительной наглядностью продемонстрировал, что в современном мире театром действий в борьбе за территорию, ресурсы, коммуникации становятся традиционные ценности народов, их религия, культурные коды, нормы морали, архетипы поведения. Если удается организовать мировоззренческий слом, подрыв их сакральной мифологии, составляющей ядро ценностных ориентаций населения, и взамен навязать некую «универсальную» картину мира, то это равносильно победе над вооруженной армией противника. Десакрализация приводит к ситуации «выжженой зоны». Там, где удалось дискредитировать, обесценить, например, «патриотизм» как гражданское чувство и нравственную норму в связи с советской мифологией, патриотизм уже не появится. Иначе говоря, на месте антимифа миф заново не возникнет.

Война символов, идеологических смыслов и представлений – это, наверное, и есть ожидаемая третья мировая война, которая давно уже началась и ведется круглосуточно с помощью всех электронных средств нападения. Блогер П. Казарин, крымчанин, этнический русский, пишет в своем посте: «Когда говорят, что Украина не способна нанести Кремлю симметричный удар, я соглашаюсь. В торгово-экономическом плане она действительно мало что может противопоставить российским санкциям. Зато в ее распоряжении – целый арсенал крайне болезненных для Москвы асимметричных ответов. Более того, Украина способна так ударить по архетипическим символам России, что двухглавому орлу, не ровен час, придется подтверждать свою родословную». И далее он советует «кому надо»: «Если у украинских элит хватит изобретательности, то они и вовсе могут начать бороться с Кремлем за бренд “Киевская Русь”. Киевская Русь – как “истинная европейская Русь” в проти-

вовес более поздней азиатской франшизе. Начать с мелочей, пройтись серией ударов по мифологемным почкам, а затем нацелиться на нокдаун. Мол, “парни, все это время вам впаривали подделку! Покупайте натуральное из Киева. Прямые поставки”. А если в мировых столицах подтвердят, что, мол, да, Ukraine is the real Russia – то это уже будет серьезно» (Казарин 2013).

Господин Казарин как неофит идеологической борьбы «немного» не в курсе. Украинские националисты уже давно отделяют Киевскую Русь от Московской и требуют вернуть себе исконно украинский этноним «Русь», украденный москалями. В современных украинских учебниках история Киевской Руси подается как история племен и княжеств, которые располагались на территории современной Украины, что, конечно, является примером антиисторического подхода. Однако сам ход мысли неофита весьма показателен: предлагается вести борьбу на символическом поле.

Общество без скрепляющих убеждений, без согласия относительно базовых ценностей, без сакральной структуры – это песок. Основанное на нем политическое образование – называйте его хоть государством, хоть супердержавой – это замок на песке. В этом плане вызывает пессимизм попытка создать эти убеждения из европейских либеральных ценностей. Сужу по нынешней Украине, поскольку здесь живу. Наши политики, без различия политических позиций, бормочут, словно Али-Баба в пещере, забывший нужное заклинание: «Демократия, демократия, демократия…» Увы, демократия оказалась не тем словом, на которое откликается народная душа. Искра веры не высекается. Чуда не случается. Приходится признать, что западный миф о демократии у нас не работает – не воодушевляет, не мобилизует, не служит платформой общего согласия и уж тем более не является символом веры. И дело здесь, вероятно, не в славянской «почве», а в том, что «демократия» была присвоена власть имущими, которые превратили ее в циничную технологию легитимации своего неправедного обогащения.

Еще одно ключевое слово-символ из либерального мировоззрения подверглось беспощадной эрозии и лишилось своей магической силы в наших палестинах. Имеется в виду «свобода». В результате отечественной хозяйственной практики возникла формулировка

ла: «Свобода – это деньги, а деньги – это свобода». А ведь классическое определение гласит: «Свобода есть право делать все, что не наносит ущерб другому». Заслуженный юрист Украины А. Г. Мучник пишет: «Поскольку приватизация проходила вопреки воле, правам и национальным интересам народа, то всю совокупность нормативных актов о ней можно без обиняков зачислить в разряд квазизаконодательства или неправедного законодательства. <…> Особым цинизмом при этом отдает тот факт, что одни и те же лица по совместительству стали авторами квазизаконодательства о приватизации и Конституции Украины. И я не удивлюсь, если окажется, что, одновременно, и наиболее состоятельными гражданами Украины» (Мучник 2012).

Вот так. Власть, отряхнув с ног своих прах бюрократического социализма, вторым темпом ограбила народ, отняв у него собственность путем квазизаконной приватизации. Нанесла ли она при этом ему ущерб? Если да, то почему продолжает рассчитывать на его поддержку? А если нет, то это миф или анекдот?

Литература

Бегунок, А. 2010. Пионер № 1, или вся правда про Павлика Морозова. *Уральский рабочий* 19 мая. URL: http://begunok74.livejournal.com/147123.html.

Бессмертная легенда о Павлике Морозове. 2002. *InoСМИ* 15 ноября. URL: http://www.inosmi.ru/untitled/20021115/164157.html.

Гребенник, Г. П.

2009. *Интеллигенция и политика*: сб. статей. Одесса: Фенікс.

2011. *Миф и политика*: сб. статей и выступлений. Одесса: Фенікс.

Захарова, Г. 2012. Правда и вымысел о Павлике Морозове. *Приазовский рабочий* 21 июня. URL: http://www.pr.ua/news.php?new=20076.

Казарин, П. 2013. Похищение Руси. URL: http://www.rosbalt.ru/ukraina/2013/09/26/1180430.html.

Мучник, А. 2012. Приватизация или конфискация. *Украинская правда* 5 января.

Пятигорский, А. Смирнов, И. 2003. О вреде и пользе истории и философии для жизни (две империи на рубеже тысячелетий). URL: http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=20010664.

Степун, Ф. А. 2000. Мысли о России. В: Степун, Ф. А. *Соч.* М.: РОССПЭН.

Фурсов, А. 2012. Людоеды. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=6293&Itemid=35.

Шамир, И. 2007. *Каббала власти*. М.: Алгоритм.

Щуплов, А. 2004. Житие святого Павлика: интервью с Ю. И. Дружниковым. *Российская газета* 18 ноября.